

II. ПОЛЕМИКА

Историко-филологический журнал 1982 № 1, с. 177-184.

4. НОВАЯ ПОПЫТКА ИСТОЛКОВАТЬ ПРОИСХОЖДЕНИЕ АРМЯНСКОГО АЛФАВИТА: ОТКРЫТИЕ ИЛИ ЗАБЛУЖДЕНИЕ?

Доктор исторических наук К. Н. ЮЗБАШЯН (Ленинград)

Армянский алфавит, созданный Маштоцем в начале V в. н. э. и с некоторыми изменениями функционирующий и в наши дни, предстает перед исследователем в совершенно законченном виде. Маштоц создал 36 основных письменных знаков и все они функционируют в текстах без какой-либо дискриминации. В том же составе знаки приводятся в наиболее древнем памятнике, зафиксировавшем теорию армянского языка, — дреанеармянском переводе «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского¹. Как рукописи, так и лапидарные надписи, относящиеся к первым векам письменности, отличаются стабильностью в начертаниях знаков. Имеющиеся различия говорят не столько об общей эволюции письма во времени, сколько о местных особенностях и индивидуальности почерков, об изменениях, вызванных переходом от мягкого материала к твердому. Орфография отличается высокой степенью упорядоченности, что косвенно свидетельствует об упорядоченности функционального назначения каждого знака в отдельности.

Перед создателем письменности стояла по-видимому, триединая задача: определить фонетический состав родного языка, подобрать графику и, наконец, упорядочить ее применение. Оставаясь в рамках наличных источников и текстовых записей, мы о первом аспекте деятельности Маштоца можем судить умозрительно, о втором — гипотетически, и лишь обращаясь к практике применения алфавита, мы вступаем на твердую почву.

Армянский алфавит являет собой типичный пример буквенного письма, где каждому из звуков языка соответствует специфическая графема, а каждая из 36 графем соотносится с одним (в теории) звуком. Этим путем шли и другие народы византийского культурного круга. Копты создали буквенное письмо, используя 24 знака греческого алфавита и добавив к ним 7 новых. Буквенный характер присущ готскому письму, созданному Вульфиллой во второй половине IV в. Этот принцип последовательно применен в грузинском письме и письме Кавказской Албании — происхождение этих алфавитов также связано с именем Маштоца. Наконец, явлением того же порядка было создание славянского письма в IX в.

Функциональная характеристика армянского алфавита, заложенный в нем «греческий» принцип выступает со всей очевидностью и признан, кажется,

¹ Дионисий Фракийский, 1915.

всеми исследователями. Что же касается генезиса армянской графики как таковой, то здесь сталкиваются самые различные суждения². Преобладающее большинство авторов исходит из того, что армянское письмо появилось не на голом месте, а является результатом заимствования. Многие авторы ищут истоки армянской графики, руководствуясь случайными признаками, отвлекаясь от специфики культурной среды, в которой появился армянский алфавит. Между тем заимствование чужой графической системы и приспособление ее к армянскому языку должно было соответствовать реальным историко-культурным связям между армянами и их ближними и дальними, настоящими или прошлыми соседями. В этом смысле на сегодняшний день наиболее убедительной представляется точка зрения Л. Г. Периханян (см. сноску 2), согласно которой Маштоц создал алфавит, отталкиваясь от одного из пошибов северомесопотамского арамейского письма. Этот пошиб не сохранился, во всяком случае не обнаружен, но о наличии его можно судить по целому ряду признаков. Армянская графика является, таким образом, одним из многочисленных ответвлений арамейского письма³ и еще на одном примере подтверждает преемственность в становлении ближневосточных письменностей.

В исследовании же С. Н. Муравьева (см. сноску 2), которому и посвящен следующий ниже разбор, содержится принципиально иной подход к решению проблемы. Автор стремится объяснить характер армянских букв исходя из них самих, вывести их из набора искусственно созданных знаков. Все исследователи армянского алфавита так или иначе допускали искусственное происхождение отдельных знаков, но только в работе С. Н. Муравьева этот момент принят в качестве основополагающего принципа^{3а}. Автор не корректирует суждения своих предшественников, он (по-своему последовательно) игнорирует их. Общие выводы С. Н. Муравьева вытекают из результатов последовательно проведенных процедур. При этом между выводами, обусловленными каждой процедурой в отдельности, наличествует жесткая причинно-следственная связь. При таком линейном развитии исследовательской мысли некорректность хотя бы одной процедуры, недостаточность хотя бы одного из промежуточных выводов способна разрушить всю концепцию автора, так что дальнейший разбор становится беспредметным. Ограничившись пока этим суждением, последуем за развитием идей С. Н.

² Обзор существующих точек зрения см. в частности: Аджарян 1968, с. 156-162, Периханян 1966, с. 106-110, Абрамян, 1973, с. 46-70; см. также новые работы: Ольдерогге, 1975; Pataridze 1975; Муравьев 1980; Mouraviev 1980.

³ Ср. Дирингер 1963, с. 378-380.

^{3а} [Всё, что К. Ю. называет «основополагающим» или «основным» принципом, «последовательной процедурой», на самом деле — вывод, вытекающий из анализа (который он обходит полным молчанием) графической формы всего алфавита и 22 армянских букв, соотносящихся с греческими. См. Мур. 1, с. 19-27 (= 223-234). — С. М.]

Новая попытка истолковать происхождение армянского алфавита: открытие или заблуждение?

Муравьева. Первая часть его работы опубликована по-русски и по-французски, в этой части тексты идентичны, и только обзор источников о Маштоце в русском варианте опущен^{3b}. Вторая часть издана только по-французски. Нам предстоит сосредоточиться лишь на первой части исследования и в дальнейшем мы будем ссылаться на страницы только «Историко-филологического журнала».

С. Н. Муравьев привлекает к исследованию древнейшие (или считающиеся таковыми) памятники армянской письменности, такие, как надпись на Текорском храме⁴, защитный лист рукописи Матеналарана № 1577⁵, надпись в храме Рипсимэ 616 г.⁶, буквы на солнечных часах в Звартноце (641-661)⁷. Составив сводную таблицу армянской графики, автор далее разлагает каждую графему на структурные элементы. 22 графемы признаются структурно-оформленными: Ա Բ Դ Ե Ձ Է Ը Ի Լ Կ Ղ Մ Ն Ո Պ Ռ Ս Շ Ր Ժ Փ; остальные 14 структурно аморфны: Գ Թ Ժ Խ Ծ Շ Չ Ճ Յ Շ Չ Յ Ֆ. Структурно-оформленные буквы сконструированы путем комбинирования основных Ա Ր Օ Ղ Ո Ն Լ и вторичных — — Օ элементов (последний знак означает отсутствие элемента).

Известно, что армянский алфавит следует греческому порядку с добавлением вперемежку избыточных букв. С. Н. Муравьев выбирает из греческого алфавита 20 знаков (исключаются І и Ү как омофоны Н, О как омофон Ω, Մ как омофон ΠΣ)^{7a}, а соответствующие им армянские буквы располагаются непрерывным рядом. При этом, утверждает автор, явственно обнаруживается закон *рекуррентности* (возвращения) — один и тот же основной элемент возвращается регулярно через каждые 5 или дважды 5 номеров. Графемы же, имеющие один и тот же вторичный элемент, располагаются пятерками. Результаты прослеживаются на составленной автором таблице (с. 233 [= Мур.1, с. 28]), которая воспроизводится в настоящей статье (табл. I [Юзб., с. 72 (= 180)]. Основные элементы располагаются по горизонтальным рядам, а вторичные по вертикальным^{7b}. «В 20-значном подмножестве

^{3b} [Не «опущен», а наличествовал в начале второй статьи (см. Мур.2, с. 36-40), которую редакция ИФЖ заменила статьей К. Н. Юзбашьяна. — С. М.]

⁴ Йовсепян 1913, с. 171–172, № 2 и табл. II; Марр 1915; Кафадарьян 1962.

⁵ Воспроизведение — Абрамян 1959, с. 72-73.

⁶ Йовсепян 1913, с. 172, № 3 и табл. II.

⁷ Абрамян 1973, с. 85.

^{7a} [Не «выбирает» и т. д., а принужден к этому анализом менее явных, но также неслучайных — и потому требующих объяснения — рекуррентностей, наблюдаемых во всем подмножестве 22 «греческих» букв. — С. М.]

^{7b} [К. Ю. умалчивает здесь о самом главном: о том, что речь идет не о процессе создания письма, а об идентификации в уже созданном письме реликтовых черт его предшественника, а именно — как я пишу открытым текстом (Мур.1, с. 221 [= 16]) и неоднократно намекаю в

“греческих букв”, утверждает автор, нами обнаружена какая-то жесткая система расположения элементов, составляющих две трети ее графем» (с. 234 [= Мур.1, с. 27]).

Итак, в 20 клетках таблицы располагаются 6 графем (Բ Դ Ը Մ Ս Ո), состоящих из основных и вторичных элементов, 4 графемы (Ա Պ Ր Տ), где налицо только основной элемент, и 4 графемы (Ե Զ Դ Ն), где имеются только вторичные элементы. Вероятность случайного образования обнаруженной системности в расположении элементов, утверждает автор, ничтожно мала, она равна $1/670\ 442\ 572\ 800^2$. Вероятность случайного образования в каждом ряду больше, но и она составляет приблизительно один шанс из 170 миллионов триллионов (с. 235 [ср. Мур.1, с. 29, прим. 16]^{7с}). С. Н. Муравьев исходит из того^{7д}, что обнаруженный им порядок — плод сознательного творчества (с. 234 [= 29]), частичная же (а не полная) упорядоченность свидетельствует о том, что первоначальная система («в которой все без исключения элементы подчинялись закону рекуррентности») подверглась изменению^{7е}. В соответствии с этим автор восстанавливает начертание «греческих» букв в пределах 20 знаков и затем добавляет к ним еще 4 буквы. На основе этой девтеросистемы, состоящей уже из 24 знаков, и появился армянский алфавит, заключает исследователь.

Основная идея С. Н. Муравьева со всей полнотой отражена в табл. I. Эта таблица является отправной для дальнейших построений. Действителен ли закон рекуррентности, и если действителен — насколько корректны условия для проверки его действия? Обоснован ли выбор именно данного подмножества армянских букв и обосновано ли их расположение именно в данной последовательности?

Прежде чем приступить к анализу таблицы, следует сделать некоторую оговорку, чтобы избежать возможного недоразумения. Как было сказано выше, автор математически подсчитывает возможную случайность в обнаруженной им системности расположения части элементов и приходит к выводу, что вероятность случайного образования ничтожна (с. 234–235 [= Мур.1, с. 28–29]). Для подсчета применена формула:

первой статье, а во второй наглядно демонстрирую — «данииловых письмен», знаков, переданных Маштоцу сирийским епископом Даниилом, факт, о котором нам единодушно сообщают древнеармянские историки. — С. М.]

^{7с} [К. Ю. ссылается на замещенный мной текст прим. 16 в ИФЖ, где была допущена не замеченная им опечатка («5» вместо «5!»), и при этом искажает его смысл: о «вероятности случайного образования в каждом ряду» там нет ни слова. — С. М.]

^{7д} [Не «исходит из того, что», а «выводит (из таким образом доказанной невероятности случайного регулярного “стечения форм”», что...» Об исправлении приведенных чисел см. Мур.1, с. 29, прим. 16. — С. М.]

^{7е} [Не «изменению», а приспособлению к требованиям удобства чтения и начертания, предъявляемым практикой к любой письменности. — С. М.]

Новая попытка истолковать происхождение армянского алфавита: открытие или заблуждение?

$$P = \left(\frac{1}{n} \cdot \frac{1}{n-1} \cdots \frac{1}{n-m_1} \right) \left(\frac{1}{n} \cdot \frac{1}{n-1} \cdots \frac{1}{n-m_2} \right) = \\ = \frac{m_1!}{n!} \cdot \frac{m_2!}{n!} = \frac{m_1! m_2!}{n!^2}$$

где m_1 и m_2 — число основных и рекуррентных [sic]^{7f} элементов, а n — число графем в подмножестве, или клеток в таблице (в таблице 10 основных, 10 вторичных элементов и 20 клеток). Эта формула имеет в виду любое сочетание названных элементов в данном количестве клеток, их расброс при единственном условии, что в каждой клетке не оказалось бы больше одного основного и одного вторичного элемента^{7g}. К наличию или отсутствию системности как таковой эта формула отношения не имеет^{7h}.

Касаясь графической характеристики включенных в таблицу знаков, мы должны отметить, что в двух случаях налицо явное отклонение от действительности. Арм. Տ (№ 17 таблицы) представлено в виде . Ее действительное начертание, в чем легко убедиться, обратившись к использованным автором образцам письма, — , так что если следовать принципам, положенным в основу таблицы, эту букву следует отнести к числу структурно-аморфных⁷ⁱ. Точно так же следует поступить с арм. Պ. В начертаниях на мягком материале она имеет вид (см. хотя бы использованный С. Н. Муравьевым защитный лист рукописи Матенадарана № 1577, воспроизведенный в книге А. Г. Абрамяна, сноска 5). Именно это начертание следует признать древнейшим, а не эпиграфических надписей, которое впоследствии утвердилось и в рукописях^{7j}.

Замечания о написании отдельных знаков носят частный характер и сами по себе не исключают действия закона рекуррентности (хотя и снижают стерень его вероятности). Решительное возражение вызывают принципы построения таблицы. Действительно, трудно допустить, что лицо, приступившее к созданию армянской графики на основе греческого алфавита, не было знакомо хотя бы с основами греческой грамматики. Известно, что каждый знак греческого алфавита соответствовал в теории одному звуку, за

^{7f} [К.Ю., видимо, хотел сказать «вторичных». — С. М.]

^{7g} [Это утверждение неполно, надо убрать «единственном» и читать в конце: «и при условии, что будет наблюдаться такая же частичная упорядоченность (системность), независимо от того, о каких именно элементах идет речь и в каких именно рядах и колонках наблюдается рекуррентность». — С. М.]

^{7h} [Имеет — и самое непосредственное. — С. М.]

⁷ⁱ [В момент когда писалась статья, мне действительно не было известно примеров такой формы. Она — плод моей реконструкции (см. Мур.1, с. 20 [= 226], прим. 7, 3-я колонка табл.). Но с тех пор такие примеры с нижним прямым углом обнаружались — правда, с небольшим инерционным загибом слева. См. напр. надпись на мозаике в Мусрара (Иерусалим) буква № 9. — С. М.]

^{7j} [Об этой букве см. Мур.4 (с. 87, прим. 7) — С. М.]

исключением $\Xi = \text{K}\Sigma$ и $\Psi = \text{П}\Sigma$. Фактические изменения в звуковом составе не внесли в теорию никаких изменений (речь идет о койне, мы не касаемся

1 1 1 A	6 6 6 Z	20 11 12 M	29 16 19 Σ
2 2 2 B	8 7 7 H	23 12 13 N	31 17 19 T
3 3 3 Г	9 8 8 Θ	23 13 14 Ξ	35 18 21 Φ
4 4 4 Δ		26 14 16 Π	36 19 22 Χ
5 5 5 E	18 10 11 Λ	28 15 17 Ρ	24 20 15 Ω

Табл. I

диалектных различий, фиксировавшихся в текстах). Какая бы то ни было взаимозаменяемость букв исключалась. Разумеется, на практике орфографические нормы не могли не нарушаться и нарушались очень часто. Но теория оставалась прежней. С этим не могли не считаться армяне, выработавшие достаточно устойчивые нормы при транслитерации греческих слов, нормы, которые предполагали в целом жесткую корреляцию между знаками греческой и армянской графики. Это обстоятельство зафиксировано в порядке армянского алфавита относительно греческого. В значительной мере об этом можно судить и по древнеармянской версии «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского, где против 24 греческих знаков в определенном порядке расположено 36 армянских^{7к}.

^{7к} [О нерелевантности появившихся *после* создания алфавита армянских транскрипций греческих звуков (и в частности использованных в переводе Дионисия Фракийца) для выводов

Новая попытка истолковать происхождение армянского алфавита: открытие или заблуждение?

Если с учетом этих обстоятельств взглянуть на табл. I, сразу бросится в глаза следующее.

1. В таблице арм. Ո заняло последнее место, против греч. Ω. Что же касается Ω, то с ней были связаны известные трудности. В переводе Дионисия Фракийского греч. Ω соответствует та же омега, в то время как остальные знаки греческого алфавита переданы корреспондирующими им армянскими. При транслитерации Ω изображали сочетанием ՈՎ, — կանվի (κάνων), Յնվանի (Ἰωάννης) и др., что впоследствии повлияло на произношение. Конечно, можно привести примеры, когда Ω передавалось с помощью Ո — Պրիսինի (Πλάτων), но это следует рассматривать как упрощение. Нормой было соответствие Օ/Ո, так что и в таблице Ո следовало поместить на законном месте, против греч. Ο, под № 14⁷¹.

2. Совершенно неожиданно против греч. Η в таблице появляется арм. Ը. Этот знак соответствует переднеязычному гласному среднего подъема, в письме во многих случаях опускается. (В фонетике этот звук неизбежен при стечении согласных, это обстоятельство могло учитываться и в графику текстов специального назначения, например в записи гимнов, снабженных нотными знаками.) Трудно представить греческое слово, в транслитерации которого встретилось бы Ը. В то же время хорошо известно, что греч. Η как правило соответствует арм. Է — կմէս (κόμης), Մնվէս (Μωσῆς) и др. На практике были отклонения, Է могло появиться против греч. Ε — Թէնվի (Θέων), Η могла быть выражена через Ե — Հմէրնի (Ὁμηρος), с учетом фонетических изменений могли подставить Ի — Կնիիի (πρώτην, вин. п.). Но в переводе Дионисия Фракийского против Η значится арм. Է и нет никаких сомнений в том, что и в алфавитном порядке именно Է (а не Ը) соответствует греч. Η^{7k}.

Как уже говорилось, на основании данных содержащихся в табл. I, С. Н. Муравьев устанавливает закон рекуррентности и в дальнейшем реконструирует 20-значную систему «греческих» букв месроповского алфавита (Мур.1, табл. 7 на с. 237 [= 32]). Приведенные выше соображения заставляют думать, однако, что табл. I (если даже сама ее идея справедлива) составлена непоследовательно, с рядом произвольных, противоречащих принципу оснований. Если же внести в таблицу коррективы, о которых говорилось выше, именно — привести написание Տ и Պ в соответствие с действительностью, обеспечить Ո законное место под № 17, а под № 7 поместить Է, то выводы, к которым пришел С. Н. Муравьев, оказываются невозможными. Приводимая выше [см. ниже] табл. II составлена с учетом этих коррективов. Как и на

относительно первоначальных значений тех или иных знаков «греческого» подмножества *еще только зарождающегося* алфавита, см. в моем ответе (с. 78-79, 83. — С. М.]

⁷¹ [См. выше прим. 7k. Как показано в Мур.2, Ո уступила последнее место (место *омеги*) букве Ք — монограмме Христа. — и заняла место *омикрона* лишь в процессе создания окончательного алфавитного порядка. — С. М.]

предыдущей таблице, составленной С. Н. Муравьевым, структурно-аморфные и структурные элементы, которые противоречат «закону рекуррентности», обозначены пунктиром. Оставлена прежняя разбивка на структурные элементы отдельных букв и только написание Ձ, в соответствии с данными

Ա	Զ	Մ	Ր
Բ	Է	Ն	Տ
Գ	Թ	Յ	Շ
Դ	Կ	Օ	Փ
Ե	Լ	Ս	Պ

Табл. II

рукописей, несколько изменено^{7m}. Что же явствует из таблицы? а) В первом горизонтальном ряду основной элемент возвращается один раз (Ա и Մ). В остальных рядах рекуррентности основных элементов нет. б) В первом вертикальном ряду вторичный элемент присутствует в 3 буквах (Բ Գ Ե), во втором ряду — в 3 буквах (Զ Է Ը), в третьем ряду — в двух буквах (Մ Ն), в четвертом ряду вторичный элемент (нулевой) отсутствует, ибо нет рекуррентности основных элементов.

Нетрудно убедиться, что при более последовательном применении принципа самого же С. Н. Муравьева в 20-значном подмножестве «греческих» букв не обнаруживается. Следует, однако, тут же заметить, что и с внесением этих коррективов таблица оказывается ущербной. Действительно, в таблице представлено 20 знаков, в то время как в армянском алфавите имеется 22 соответствия греческим буквам, опущены Ի и Ի. Это признает и С. Н. Муравьев. Далее, считая, что «закон рекуррентности» доказан и что основные и вторичные элементы армянской графики выявлены, он рассматривает эти две буквы, а также Լ и Ր в одном ряду и с помощью этого, шестого, горизонтального ряда реконструирует 24-значную девтеросистему «грекоидных» букв (Мур.1, с. 238–239 [= 32–33] и табл. VIII). Не касаясь вопроса, насколько правомерно включение в систему «грекоидных» (пусть так!) букв Լ и Ր,

^{7m} [В сторону еле заметной курсивизации. — С. М.]

Новая попытка истолковать происхождение армянского алфавита: открытие или заблуждение?

отметим, что исключение Ի и Ի, соответствующих греч. Ι и Υ, представляется совершенно неоправданным нарушением принципа, внесенного в исследование самим автором. Действительно, нет никаких оснований для дискриминации Ի и Ի и исключения их из состава «греческих», т. е. имеющих однозначные греческие соответствия букв. Если расположить армянские буквы соответственно порядку греческих (сохранив при этом первоначальную разбивку С. Н. Муравьева)⁸, таблица приобретет следующий вид (см. табл. III).

Из таблицы явствует, что: а) рекуррентия основных элементов происходит лишь в пятом горизонтальном ряду (Ե Կ); б) в первом вертикальном ряду вторичный элемент присутствует в трех буквах (Բ Դ Ե), во втором ряду — в двух (Զ Է), в третьем — в двух (Մ Ն).

Табл. III составлена с соблюдением исходного принципа С. Н. Муравьева — ядро армянского алфавита сложено из букв, соответствующих греческим. Никакого «закона рекуррентии» здесь не наблюдается. Настаивать на

Ա	Զ	Լ	Պ	Փ
Բ	Է	Մ	Ռ	Ք
Գ	Թ	Ն	Ս	
Դ	Ի	Շ	Տ	
Ե	Կ	Ո	Կ	

Табл. III

действию этого «закона» возможно только при изменении порядка и состава «греческих» букв армянского алфавита, а это изменение, как мы постарались показать выше, носит произвольный характер и не может быть оправдано. Поскольку «закон рекуррентии» оказывается фикцией, тем самым теряет почву и главная идея С. Н. Муравьева о рукотворном происхождении армянского алфавита, его конструировании из произвольно подобранных геометрических элементов. Отдавая должное изобретательности С. Н. Мура-

⁸ Оговоримся, что подобная разбивка может быть оправдана только при действии «закона рекуррентии». При отсутствии его она становится совершенно произвольной.

вьева и особому дару в области комбинаторики, мы должны признать, что его попытка решить проблему умозрительно, без учета историко-культурного фона эпохи, оказалась бесплодной.